

А. Г. АЙДАКОВА
(Санкт-Петербург)

**«УВЕРЯЮТ, ЧТО СИИ ГАДЫ
ВХОДЯТ К ЧЕЛОВЕКУ
ВО ВНУТРЕННОСТЬ...»:
РАССКАЗЫ О ЗМЕЯХ
В МЕДИЦИНСКИХ ОЧЕРКАХ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Аннотация. Статья рассказывает о народно-медицинских текстах конца XIX — начала XX в., содержащих сюжеты о змеях и их поселении в тело человека. В основе понимания данной болезни, с одной стороны, может лежать реальная симптоматика заболевания, с другой — представление о болезни как о духе, воплотившемся в зооморфное существо, и наконец, как о реальном земноводном, проникшем в тело человека.

Ключевые слова: рассказы о болезнях, рассказы о змеях, одержимость гадами, змея в человеке.

Змееподобные, ящерицы и мелкие грызуны, именуемые в народе «гадами», составляют относительно небольшую группу животных как по числу видов, так и по степени их распространённости в естественной среде, однако они являются одними из наиболее популярных фольклорных персонажей. А. В. Гура даже назвал змею одним из центральных и ключевых персонажей в системе народных представлений о животном мире [Гура 1997, 357]. По его наблюдениям, «в силу совершенно особого характера мифологической логики в символике змеи спокойно уживаются разнородные, часто противоположные и, казалось бы, взаимоисключающие характеристики» [Там же, 277]. Еще в начале XX в. В. Ф. Демич писал, что «с давних времен змее приписывалась двоякая роль: разрушительная и целебная, основанные, вероятно, на представлении о змее как о существе “мудром”» [Демич 1912, 39–40]. Вторая важная характеристика образа змеи (помимо ее

ярко выраженной амбивалентности) — ее хтоническая природа — также была отмечена еще ранними исследователями. По словам В. П. Клингера, «в выползающей наружу змее, в пробегающей ласке или мыши наивные предки наши должны были видеть грозных обитателей преисподней, возвращающихся на свет мертвецов», поэтому уже «а priori мы должны признать всех перечисленных тварей “животными-душами”» [Клиггер 1911, 153].

О. Р. Николаев выделяет среди мифологических представлений русских о змеях три «комплекса»: во-первых, образ змеи в архаической традиции, сохранившийся в фольклорных жанрах; во-вторых, змею как персонажа актуальной низшей мифологии, и наконец, народные представления о реальных змеях, во многом обусловленные, по словам автора, мифологической традицией [Николаев 2000]. В данной статье мы рассмотрим третий тип представлений, нашедший отражение в народно-медицинских рассказах конца XIX — начала XX в. о вселении в человека змей и других «гадов», стоящих на границе между реальными случаями заболевания и их символическим осмыслением.

Первое упоминание фольклорного сюжета о змее, заползающей в рот человеку, принадлежит, по свидетельству подробно изучившей историю этого сюжета Н. К. Козловой, М. Д. Чулкову [Козлова 2006]. В его сборнике «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч.» 1786 г. читаем: «Уверяют, что сии гады входят к человеку во внутренность. Ежели спящему на поле, когда грезилось, что он пил весьма студеную воду, если ему тошнит по утрам, ежели мерещится, что у него в животе ворочается или раздувается живот, то никто уже не смеет сомневаться, что у него в желудке обитает змея. Такого поят парным и наговоренным коровьим молоком, смешанным с конопляным маслом столько, сколько желудок его вместить может, потом привязывают его за ноги в жарко натопленной бане к потолку, и держат до тех пор, пока не вырвет из него, как говорят, черенки, с которой рвотой, по

уверению их, и змея выходит» [Чулков 1786, 201—202].

Приведенный фрагмент сочинения М. Д. Чулкова с незначительными изменениями был затем использован М. М. Забылиным [Забылин 1880, 280], а А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу», ссылаясь на А. В. Терещенко, К. А. Авдеева и В. И. Даля, указывает: «Ходят рассказы, будто в сонных людей, привыкших спать с разинутым ртом, вползали змеи и, поселившись внутри человека, ничем другим не могли быть вызваны назад, как только запахом парного молока» [Афанасьев 1868, Т. II, 560]. В фольклорно-этнографических очерках конца XIX — начала XX в. многообразные поверья о змее, заползающей внутрь человека, приводили Б. Д. Гринченко [Гринченко 1895], А. А. Макаренко [Макаренко 1897], Н. Я. Никифоровский [Никифоровский 1897], В. П. Врядий [Врядий 1898], Е. А. Ляцкий [Ляцкий 1892], А. С. Ермолов [Ермолов 1905], А. И. Эртель [Эртель 1910], В. Гнатюк [Гнатюк 1912], Г. К. Заварицкий [Заварицкий 1915]. Из современных авторов можно назвать работы М. Н. Власовой [Власова 1996], А. В. Гуры [Гура 1997], Н. К. Козловой [Козлова 2006], Е. А. Ивановой и М. Л. Лурье [Иванова, Лурье 2002].

К середине XIX в., по примеру этнографов, народным врачеванием активно заинтересовались и медики. Несмотря на то, что как отдельная наука медицинская антропология оформилась лишь в 70-х гг. XX в., обозначив своим предметом взаимовлияние здоровья человека (физического и психического) и культуры, традиционных представлений и верований, отдельные попытки осмысления данного явления делались и раньше. Так, начиная с 40-х гг. XIX в. врачи начали собирать рецепты употребления лекарственных средств и описывать способы крестьянского самолечения, но в силу профессиональных особенностей в своих трудах чаще всего ставили прикладные задачи, которые и определили как способ описания народно-медицинских знаний того времени, так и их критику. Оставило свой

отпечаток на медико-антропологических работах XIX — начала XX вв. и то, что «до последнего времени, по словам Ю. Д. Талько-Грынцевича, врачи вообще относились с насмешкой и даже с некоторым презрением к народной медицине, как к выражению грубого невежества и суеверия» [Талько-Грынцевич 1892, 806]. Во многом это определялось тем, что, в отличие от научной медицины, в народной культуре болезнь зачастую могла представляться результатом действия сверхъестественных причин. По свидетельству Н. Ф. Высоцкого, «различные страдания, болезни, внезапная смерть, причины которых были непонятны человеку, приписывались злым духам, “демонам болезни”. Проникая в тело, они пили кровь, грызли и рвали внутренности, повергали больных в страшных криках и судорогах на землю, сводили с ума или сразу убивали» [Высоцкий 1911, III]. Подобное истолкование патологии определяло и терапию, не всегда ясную для человека науки. По словам Л. Ф. Змеева, по народным верованиям болезнь всегда считалась «существом одушевленным и вечно прожорливым. Оттуда исцелить значило сделать целым, т. е. восстановить, что было съедено духом — болезнью» [Змеев 1896, 44]¹.

В большинстве своем работы врачей первой половины — середины XIX в. повторяли структуру лечебников: в них постатейно, в народных терминах описывались болезни, приводилась их народная этиология и локальные способы лечения. Отличительной чертой этих трудов являлось также и то, что медицинские представления народа разделялись авторами на «вредные» и «полезные» (рациональные и иррациональные), причем существование вредных объяснялось необразованностью народа и его верой в сверхъестественное, а полезных — тысячелетним эмпирическим опытом.

Не оставили врачи без внимания и рассказы о попадании внутрь людей гадов. Они заметили, что «в народных

¹ Оппозицию «деформированное, нецелостное — большое ~ прямое, целостное — здоровое» отмечают в народной медицине и некоторые современные исследователи [Нечаева 2010, 17].

суевериях, после черта и его служителей, особенное внимание уделяется змеям и прочим пресмыкающимся», причем легенды и сказания о них, по их мнению, были распространены «искони» и «у всех народов», а «о случаях заползания лягушек и змей внутрь человека и о выхождении их оттуда встречаются заметки в медицинских журналах даже еще в первой половине прошлого (XIX. — А. А.) столетия» [Демич 1912, 39, 57].

Такие медицинские «заметки» могли быть просто кратким упоминанием, схожим с ранними записями этнографов, например: «Русский народ верит, что гадюки и прочие гады иногда заползают в желудок людей и, будто бы, живут там и размножаются. Одно из суеверий ст. Сленцовкой (Герской обл.) гласит: “случится тебе спать в поле, на земле, закрывай рот, а то змея заползет в желудок, сошьет там гнездо, и будет тебя мучить постоянно холод” <...> Выманивают их <змеи> наружу при помощи зеркала, поставленного против больного. Для вызова змеи в зеркале должны отражаться поставленные на блюдечке ягоды (клубника и вишни), а для глиста, требующего водки (солитера?), — рюмка водки» [Там же, 57]. Но могла помещаться и обширная подборка текстов, подвергнутых целенаправленному медицинскому анализу — в основном это касалось психиатрических работ, о которых пойдет речь ниже.

В медицинской терминологии конца XIX — начала XX в. этот специфически народный тип заболевания носил название «проникновения в человека “чужеядных”», причем некоторые исследователи-врачи были склонны считать его естественным [Даль 1845; Моlessон 1869; Попов 1903], другие же — сверхъестественным и основанным на мифологии, отсылающей читателя к духам болезней [Демич 1912; Высоцкий 1911]. Тем не менее, несмотря на это условное разделение, и в первом, и во втором случае речь идет скорее о пограничье между естественными и сверхъестественными причинами заболевания. С одной стороны, болезнь в виде червя, насекомого (мухи, мошки),

земноводного (жаба, змея) или мелкого грызуна (мышь, крыса) — все эти существа имеют в народной культуре негативную семантическую окраску — проникает внутрь человека или под кожу, чем вызывает негативные, болезненные ощущения. С другой стороны, этот факт вряд ли можно отделить от представлений о проникновении в тело человека духов болезни. В. Ф. Демич делает следующее предположение: «Возможно допустить, что рассказы о заплзании змей в человека и о выхождении их возникли из наблюдения над глистами, иногда выходящими живыми во время рвоты. Не мешает упомянуть, что народ представляет себе причину некоторых болезней в виде животных, засевших в теле человека. Эти животные — злой дух в их образе. Такими животными могут быть всякие пресмыкающиеся, а чаще всего — червяк. Малороссы, считая материальной причиной многих заболеваний червей, сблизили их с мифическими змеями, а потом с чертями» [Демич 1912, 57].

Более ранние тексты, фиксирующие «факты» вхождения в человека змеи, обладают скорее ироническим характером и подчеркивают степень невежества крестьян, с точки зрения медика, и их представлений об анатомии и физиологии. Так, И. Моlessон в 1869 г. приводит следующий пример: «Что касается взаимных отношений разных органов, то <по мнению крестьян> они живут чрезвычайно дружно между собой, могут перемещаться друг на место друга, все имеют друг с другом сообщения отверстиями, которые часто бывают сквозные, так что, например, сверчок или таракан могут в одно ухо влезть, в другое вылезть; змея или лягушка, заплзая в горло, может пропутешествовать по всем кишкам, заглянувши мимоходом в печень, поместиться надолго, если ей понравится, в сердце, которое будет, разумеется, ныть и тосковать, оттуда снова через грудь выползти горлом назад; лягушка, совершивши такую же прогулку, может запрыгнуть в головной мозг, где и остаться или приютиться в *утробе* и начать там квакать или лаять и т. п.» [Моlessон 1869, 4—5]. Схожие представления о том, что тело человека 107

«испещрено» ходами и лазейками, обнаруживаем у Н. Ф. Высоцкого: «Народ наш убежден в том, что насекомые, попав в уши, не только могут жить в них бесконечно долгое время, но даже размножаться, производить себе подобных. Кроме того, по народным представлениям, между обоими ушами существует в голове сообщение — “ход”, через который насекомые могут заползти в голову и даже перемещаться из одного уха в другое» [Высоцкий 1911, 32].

Особая реалистичность образа «чужеродных» в крестьянских медицинских меморатах часто давала врачам возможность отнести эту причину заболеваний к естественным и не связанным с мифологией. В. И. Даль даже описывал случаи якобы действительно живших в желудке и изверженных рвотой пиявок, змей и лягушек: «Поверье, что в человека заползают иногда гадины, змеи, лягушки, жабы — поверье это, как в последнее время дознано вполне положительными и нисколько не сомнительными опытами, не есть суеверие, а основано на довольно редких, истинных случаях. Я имел случай наблюдать сходное с этим явление: солдат проглотил две или три пиявки, напившись ночью из какой-то лужи, и эти животные спокойно жили, вероятно, в желудке человека, несколько недель, покауда их не извели ложкою соли, и их выкинуло рвотой. Несколько лет тому, не говоря о множестве других примеров, в Ораниенбаумском госпитале пользовали человека, наблюдая за ним строжайшим образом, и болезнь кончилась тем, что его, в присутствии посторонних свидетелей, вырвало змеей, которая, вероятно, до сего дня сохраняется в спирте; весьма недавно в Киевской губернии один жид, напившись болотной воды, стал чувствовать различные припадки, в продолжение нескольких месяцев; страшную боль в животе, движение, царапанье в желудке и пр., и между тем живот вздувало. Наконец, от постоянного употребления простокваши и скипидара, в течение трех месяцев вышло рвотой 35 лягушек, разной величины и всех возрастов; свидетелей было при этом много, неоднократно, и между

прочим сам врач. Лягушки принадлежали к одному обыкновенному виду, но отличались бледностью и нежностью кожи» [Даль 1845—1846, 326—327].

Некоторые медики были склонны видеть в рассматриваемом нами веровании зачатки народных представлений о насекомых и грызунах как переносчиках болезней, сравнивая веру в «чужеродных» с верой в то, что эпидемические болезни могут быть принесены в деревню некой мухой или мошкой; в таком случае роль насекомых как причины острых инфекционных, «повальных» заболеваний сопоставлялась с народным представлением о вредоносной силе росы или тумана [Попов 1903, 11—12]. В этот же период времени появилась и психиатрическая теория попадания в тело «чужеродных», которая носила название «одержимости гадами».

Рассказы об одержимости представляют собой один из наиболее распространенных типов *illness narratives*, входящих в состав медицинских трудов конца XIX — начала XX в. С точки зрения сюжетики они могут быть разделены на два типа, имеющих, по словам В. М. Бехтерева, «полнейшую аналогию»: это одержимость бесами (или кликушество) и одержимость гадами, причем последняя может разбиваться на одержимость змеями и лягушками (жабами) [Бехтерев 1900, 332]. По мнению медиков того времени, состояния одержимости были известны у всех народов и «будучи тождественными, как болезненные состояния, отличаются между собой лишь внешним образом, в зависимости от содержания суеверий или поверий, господствующих у различных народов» [Осипов 1905, 122], а именно фольклорным наполнением, его смысловой нагрузкой. Именно потому, что «в зависимости от воззрений народа и от суеверий изменяется и характер бреда при одержимости <...> в христианских государствах классической формой одержимости является так называемая бесоодержимость или одержимость нечистой силой (демономания); тогда как, например, в Японии, благодаря укоренившимся суевериям о возможности вхождения лисиц в человеческое тело, распространена болезнь,

которая может быть названа “одержимость лисицами”», — пишет В. М. Бехтерев. По его словам, в Средние века наиболее распространенными типами одержимости были колдовство и оборотничество, причем эти «две формы психического расстройства в настоящее время, по-видимому, уже более не встречаются, и лишь демономания еще проявляется там и сям среди религиозной массы народа в виде так называемой порчи или кликушества или даже в виде настоящей бесоодержимости. С другой стороны, до сих пор держится в простом народе своеобразный вид одержимости с бредом о присутствии внутри тела различных гадов, как например, змей, жаб или лягушек» [Бехтерев 1900, 330—331].

Многочисленные фиксации врачами «историй болезни» об одержимости, рассказанных самими больными, выявили, что наиболее типичен сюжет о поселении в человеке змей. В отличие от лягушек и жаб, змеи проникают в тело человека самостоятельно — обычно во время сна в поле или в лесу. Академик В. М. Бехтерев коротко описал три случая одержимости змеей, которая заползла в желудок через рот во время сна, причем у всех больных ее заползание сопровождалось сходными между собой ощущениями: один крестьянин почувствовал «с ясностью», как в его глотку вползло холодное тело змеи, другой — что он глотает змею, третья, женщина, испытывала в это время ощущение, будто она пьет холодное молоко; все трое, хотя и просыпались, по их словам, от ощущения заползания змеи, тем не менее, не могли или не успевали остановить этот процесс, хотя второй крестьянин видел даже торчавший изо рта змеиный хвост, тотчас же после этого ускользнувший в его желудок [Там же, 331—332]. По описаниям В. П. Осипова, один из его пациентов, помимо того, что чувствовал, будто змея в его желудке «ходит и колется» и как «какой-то червяк свивался» в нем «кольцом», через какое-то время даже «почувствовал у себя во рту запах змеи», хотя, по его собственному убеждению, «запах змеи никогда не слышен» [Осипов 1905, 136]. По словам этого же боль-

ного, спустя некоторое время он даже увидел зеленый дым с запахом змеи, выходящий у него не только изо рта, но и из груди. Вот как он это описывает: «Я почти забыл про свою болезнь, как вдруг почувствовал сильный толчок в голову и секунды на три лишился сознания; затем меня ударило в горло как бы дугой, я нагнулся вперед так сильно, что пассажиры, сидевшие против меня, отшатнулись; за первым ударом последовал второй — я закричал диким голосом, пассажиры разбежались; у меня в желудке сильно билась змея, мягкая, толстая, как кишка. Я стал просить, чтобы меня подержали за левый бок, в вагоне случилось двое знакомых, они держали меня, и я испытывал при этом большое облегчение; они сказали мне потом, что действительно что-то мягкое билось у меня в боку довольно сильно <...> через 8-10 минут у меня изо рта вышел зеленый дым с запахом змеи; в вагоне случился доктор, ехавший в ту же больницу; он стал успокаивать меня и посоветовал лечь на спину и не шевелиться; в таком положении доехал я до больницы; здесь мне тотчас же сделали ванну, но лишь только я лег в ванне, из меня снова вышел зеленый дым, а может быть, пар, но не изо рта, а из груди» [Там же, 136—137].

Современные исследователи также фиксируют истории о проникновении в тело человека змей, причем помимо «классического» заползания в желудок с целью извести страждущего, змея может и излечить больного от недуга, например, от туберкулеза [Иванова, Лурье 2002, 46—48]. Интересно, что приведенные авторами статьи фольклорные нарративы сходны с тем, что зафиксировал В. П. Осипов в 1905 г.: например, способ выманивания змеи изо рта в бане на малину, ощущения спящего от проникновения змеи в его тело (рассказчикам представляется, что они пьют холодную воду/молоко) и др. История болезни, описанная В. П. Осиповым, приводится в Приложении.

В отличие от «прямого» попадания, заползания змеи в тело человека, проникновение в него лягушек и жаб происходит не только случайно, но и по чьему-либо злему умыслу. «Наблю-

даются иногда случаи с бредом о содержании внутри тела жаб и лягушек, — пишет В. М. Бехтерев. — Эти животные, по мнению больных, попадали в желудок или случайно в виде мелких головастиков вместе с болотной водой во время питья и затем вырастали уже в желудке в полных животных, или же были ими отравляемы намеренно; для последней цели, по мнению народа, будто бы достаточно лягушачью или жабную икру истолочь в порошок и затем дать выпить вместе с водой для того, чтобы в желудке развелись лягушки или жабы. Больные, одержимые лягушками или жабами, нередко даже слышат их кваканье» [Бехтерев 1900, 332]. В остальном протекание болезни происходит аналогичным образом, что и при попадании в тело змеи.

Достаточно часто подобные народно-медицинские повествования о болезнях трансформируются в «легенды», как называют их медики, и истории фантазийного характера. Их основу составляют не только рассказы о змеях или жабах, но и тексты о заражении лихорадкой или иными эпидемиологическими болезнями, а также воспоминания о чудесном излечении известными в той или иной местности докторами, причем доктор зачастую выступает в роли знахаря и прибегает в лечении к магическим или сверхъестественным приемам. Подобные сюжеты не редко имеют под собой реальную основу. Приведем пример из практики самого Н. Ф. Высоцкого, а также услышанный им анекдотический «случай» о докторе Эше — опытном хирурге, практиковавшем в 1850-х гг. в Нижнем Новгороде: «Ко мне много раз приходила одна крестьянка, уверявшая, что она “проглотила змею во время сна на пашне”, змея “ворочалась в брюхе и сосала под сердцем”. При исследовании у больной оказался хронический катар желудка <...> Все мои уверения, что змея тут не при чем, что если бы она и была проглочена, то не могла бы жить в брюхе и т. п., оказались совершенно бесполезными. Больная настойчиво уверяла, что она “чувствует змею, как она шевелится в животе, сосет у сердца” и т. д. — и просила какого-нибудь “снадобья, чтобы убить гадюку”. <...> Наконец

однажды больная решительно объявила мне, что ей “жизнь не в жизнь, хоть руки на себя наложить” и со слезами, и земными поклонами молила “взрезать брюхо и вытащить змею”. Чтобы как-нибудь успокоить больную, находившуюся в крайней степени отчаяния, я сказал, что резать брюхо не надо, что я посмотрю инструментом и, если найду змею, то вытащу, но что для этого нужно дать сонных капель. Больная с радостью согласилась. Достав из спирта гадюку (*Vipera berus* — ядовитая змея, водящаяся в наших местностях), я поручил держать ее скрыто помощнику и бросить на пол, когда я подам знак. Затем, усадив больную в кресло, я завязал ей глаза, дал понюхать хлороформу и, приказав открыть рот, ввел в желудок зонд, что, конечно, вызвало обычные припадки душения и тошноты. Подержав зонд несколько секунд, я быстро извлек его изо рта, а помощник бросил на пол змею. Тогда платок был снят с глаз больной. Увидав гадюку, больная в ужасе отскочила от нее, затем, оправившись и рассмотрев животное издали, больная с жаром начала благодарить меня за исцеление, — все болезненные ощущения после удаления гадины из живота, по словам больной, совершенно прекратились. Я, конечно, был очень рад успеху моей выдумки, но радость эта, к сожалению, была непродолжительна. Не более как через неделю больная явилась снова, с прежними жалобами, и умоляла достать из нее “змеенышей”, которых оставила вынутая мной большая змея» [Высоцкий 1911, 27—28].

Легенда о докторе Эше: «Такое поверье <о поселении в теле человека змеи> я слышал от крестьян в Нижегородской губернии. Когда я пытался объяснить нелепость такого поверья, мне привели в доказательство следующий “случай”. — Ты дохтура Ешу знаешь? — Знаю. — Ну так слушай. Был у нас один мужичек, которому злой человек дал понюхать жабьего табаку, у него и завелась в голове жаба. Чем он ни лечился, к кому ни ходил!.. Был и у знахарей, и у старух-ведущих, и у лекарей разных — никакой пользы не получил. Проклятая жаба всё в голове ворочается, мозг царапает, всю голову так и разносит. Совсем измаялся человек, хотел уж руки на себя нало-

жить, да, спасибо, одна добрая барыня посоветовала — “сходи, говорит, ты мужичек, в Нижний в дохтору Ешу, авось он тебе поможет”. Послушался мужичок и пошел к дохтору. Осмотрел он его как следует, — “верно, говорит, на мозгу у тебя жаба сидит”. — Что же с ней делать? — спрашивает мужичок. — Надо ее, не иначе, вынуть, отвечает дохтур. — Да как же ты ее из головы-то достанешь? — Ну, это не твоя забота, — распилю череп и вытащу. — А раи (разве) это можно? — Можно. — Поди больно уж очинно будет, не вытерпишь. — Ничего, вытерпишь. — Ну ин ладно. Сделай, ваше благородие, божескую милость, помоги, просто мочи никакой нет, из всяких сил выбился, хоть ложись да помирай! И бухнулся дохтору в ноги. Тот посадил его на стул, руки, ноги привязал на крепко. — Ну, говорит, мужичек, терпи да молись Богу. Взял дохтур какой следует инструмент, распилил мужику череп и видит, что сидит в самом мозгу агромадная жабища и когтями в мозг впилась. Хотел было он шипцами вытащить да подумал: коли я ее насильно тащить буду, так она весь мозг издерет, что тут делать? Отначе придумал: взял зеркало да и подставил жабе. Как только жабина увидала себя в зеркале — подумала, что это ее подружка, и сама соскочила» [Высоцкий 1911, 30—31].

Таким образом, мы видим, что среди народных представлений о змеях, фигурирующих в медицинских очерках конца XIX — начала XX в. сюжет о вселении в человека змей и других пресмыкающихся является одним из наиболее распространенных и особо отмечаемых исследователями-врачами. Очевидно, описанные случаи стоят на границе между вполне конкретными заболеваниями, возникшими в связи с поселением внутри тела человека указанных существ, и их символическим, симпатическим осмыслением. Так, в основе понимания данной болезни, осмысления ее патологии и терапии, с одной стороны, может лежать реальная симптоматика заболевания, с другой — представление о болезни как о духе, воплотившемся в данном случае в зооморфное существо, и наконец, как о реальном земноводном, проникшем в тело человека.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассказ об одержимости гадами

«В августе 1902 г. она <больная> отправилась с двумя подругами в лес; через некоторое время она прилегла с одной из подруг отдохнуть прямо на траве, а третья пошла в это время побродить по лесу; спала Л. около часа и вдруг в просянках слышит восклицание возвратившейся ее подруги: “ох, тошнехонько!” Л. проснулась и увидела, что подруга стоит испуганная чем-то и в упор смотрит; как раз в это время Л. почувствовала, как что-то длинное и холодное проходит у нее по пищеводу в глубину тела и в левый бок, на котором как раз она спала; затем она стала испытывать движения из стороны в сторону в области желудка; во сне Л., по ее словам, испытывала ощущение, будто она пьет что-то холодное. Все трое вернулись домой, где Л. рассказала своей матери, что с ней случилось несчастье, в лесу во время сна в нее через рот вползла змея. Мать удивилась, сначала не поверила, “ты, говорит, тогда и из лесу не вернулась бы!”, но Л. это не убедило, тем более, что подруга сообщила ее матери, что это действительно верно, так как она собственными глазами видела хвост змеи, уже заползшей в рот Л., что ее очень испугало, почему она и вскрикнула. Л. слышала, что с одной ее знакомой молодой женщиной, жившей верст за 35 от их деревни, лет 10 тому назад случилось то же самое, что и с ней: она спала в поле во время жатвы, тут-то в нее и вползла змея; проснувшись, женщина почувствовала у себя внутри “великое движение”, на основании чего и решила, что в ней находится змея; змея ничего ей не давала есть, кроме молока и гороха, — так рассказывал Л. родной дядя заболевшей; доктора стали давать ей разное лекарство, что не понравилось змее, которая и ужалила больную, вследствие чего она умерла; об ужалении змеи покойная сама заявила перед смертью, почувствовав боль и опухоль в животе; до заползания змеи покойная отличалась хорошим здоровьем, а тут в два месяца ее не стало. И много подобных рассказов циркулировало в той местности, но Л. раньше им не верила, а теперь при-

шлось убедиться на себе самой. В день заболевания Л. убила в лесу трех змей, но, по ее словам, это не стоит в связи с происшествием.

Л. начала пробовать питаться различной пищей, испытывая, что нравится и что не нравится змее, так как она слышала, что если пища змее не по вкусу, то она или задохнется, или выйдет вон. Л. жарила картофель на постном масле и ела его с селедкой; картофель и селедка змее не нравились, она начинала вести себя беспокойно, ползала вверх и вниз, причем Л. испытывала соответственно местонахождению змеи покалывания, как иголками; когда змея поднималась на уровень шеи, она большей частью выбирала место справа от дыхательного горла, причем здесь получалось ощущение холода. Мать Л. курит табак; Л. попросила у нее покурить, проглотила дым и сразу почувствовала, что змея вдруг от шеи пошла в левый бок, где и свернулась комком; табак, вероятно, опьяняет змею, так как под его влиянием она теряет способность двигаться, как бы замирает; если Л. пила слабый настой табака, змея вела себя так беспокойно, что Л. места себе не находила; если пила деготь, змея останавливалась у нее в пищеводе, как палка. Змея не ядовитая, или “Бог хранит”, так как змея кусает ее внутренности, а она не умирает; Л. хотела покончить с собой, но ее отговорили; через неделю от начала болезни Л. обратилась к доктору, лечившему раньше ее знакомую тоже от змеи, доктор сказал, что лекарство даст, а больше ничего сделать не может; лекарство было соленое, змее оно не понравилось, но пользы от него не было, змея не отправлялась — она при приеме лекарства стала уклоняться от него в сторону, прижиматься к стенкам пищевода, вследствие чего лекарство проходило мимо нее; принимала рвотные средства — змея так рвалась обратно в желудок, что даже “кишки болели”. Л. даже нащупывает у себя на шее под кожей — и головку ее, и тело. К знахарям не обращалась — боялась; думала разрезать шею перед зеркалом и вынуть змею. Если с Л. занимаются, разговаривают, ее скорбь о своем состоянии уменьшается. В одну женщину, по рассказу брата больной, тоже заполз

маленький змееныш, но его удалось выгнать через 4 дня.

Пробовали выманывать змею в бане на малину: Л. сначала долго парили в жарко натопленной бане, затем положили на левый бок, перед ней положили малиновые ветви, ягоды и малиновое варенье; через некоторое время змея подошла совсем близко, шевелилась уже на языке, но не вышла; это, вероятно, зависело от того, что тут же в бане сидело 4 человека, разговаривавших между собой, — это и помешало, так как подобное изгнание змеи должно производиться в полной тишине, потому что змея боится шума; нужно затаить дыхание, даже лучше дать одержимому сонного средства, чтобы он спал во время выхождения змеи. Пробовали выманывать змею в теплой бане на полке на мед — Л. положили животом на скамью, чтобы на змею давило, а перед ней поставили мед: змея тоже дошла до рта, шевелилась там и даже сильно зашипела; Л. очень испугалась, вздрогнула, потом поспешила затаить дыхание, но змея ушла назад. Л. ложилась грудью на горячую печь, — змея тоже доходила до языка, было ощущение отрывки, но змея не вышла.

Так лечилась Л., а Рождественским постом решила бросить лечение и терпеть.

По ее словам, иногда змея вылезала на язык и шевелилась на языке; однажды это даже подтвердила ее сестра, когда она, почувствовав шевеление змеи на языке, открыла рот; сестра заметила змею “чуть-чуть”. Сначала Л. не была твердо уверена, что в ней находится змея, но когда на Рождестве она много молилась, прося, чтобы Бог избавил ее от змеи, она получила откровение, что в ней действительно находится змея, что она должна терпеть, но если хочет, может лечиться; она согласна с тем, что змея не может жить в человеке, но нахождение в ней змеи объясняется Божьим попусшением» [Осипов 1905, С. 128—130].

Литература

Афанасьев 1868 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1868. Т. II.

Бехтерев 1900 — *Бехтерев В. М.* Одержимость гадами // Обзорение психиатрии, не-

врологии и экспериментальной психологии под ред. В. М. Бехтерева. СПб., 1900. № 5. С. 330—332.

Власова 1996 — *Власова М. Н.* Былички Новгородской области от змея и закликухах // Экспедиционные открытия последних лет. СПб., 1996. С. 145—150.

Врадий 1898 — *Врадий В. П.* Три заговора и народные воззрения на змей // Живая старина. М., 1898. Вып. 2. С. 245—246.

Высоцкий 1911 — *Высоцкий Н. Ф.* Народная медицина. М., 1911.

Гнатюк 1904 — *Гнатюк В.* Знадобы до галицько-руської демонології. Львов. Т. 1. 1904. Т. 2. 1912. (Етнографічний збірник. Т. 15, 33, 34).

Гринченко 1897 — *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Вып. 1. 1897. Вып. 2.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль 1845—1846 — *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1845—1846.

Демич 1912 — *Демич В. Ф.* О змее в русской народной медицине // Живая старина. М., 1912. Вып. 1. С. 39—60.

Ермолов 1905 — *Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость. СПб., 1905.

Забылин 1880 — *Забылин М. М.* Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М., 1880.

Заварицкий 1915 — *Заварицкий Г. К.* Из легенд и поверий Саратовского Поволжья о змеях // Этнографическое обозрение. СПб., 1915. № 3, 4. С. 76—87.

Змеев 1896 — *Змеев Л. Ф.* Чтения по врачебной истории. СПб., 1896.

Иванова, Лурье 2002 — *Иванова Е. А., Лурье М. Л.* Змея в человеке // Живая старина. М., 2002. № 1. С. 46—48.

Клинггер 1911 — *Клинггер В. П.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.

Козлова 2006 — *Козлова Н. К.* Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. Омск, 2006.

Ляцкий 1892 — *Ляцкий Е. А.* Болезнь и смерть по представлениям белорусов // Этнографическое обозрение. СПб., 1892. № 2/3. С. 23—41.

Макаренко 1897 — *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине Ужорской волости Ачинского округа Енисейской губ. С приложением сборника народных меди-

цинских средств той же волости // Живая старина. М., 1897. Вып. 1/2. С. 57—89.

Молессон 1869 — *Молессон И.* Очерк народной медицины в России // Архив судебной и общественной медицины. СПб., 1869. Кн. 4, декабрь. С. 1—19.

Нечаева 2010 — *Нечаева Л. С.* Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского Университета. Пермь, 2010. Вып. 1 (7). С. 12—20.

Никифоровский 1897 — *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собраны в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.

Николаев 2000 — *Николаев О. Р.* Змеи в мифологических представлениях русских // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: в 4 т. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1809381201?lc=ru>

Осипов 1905 — *Осипов В. П.* Одержимость гадами и ее место в классификации психозов // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии под ред. В. М. Бехтерева. СПб., 1905. № 2. С. 122—139; № 3. С. 185—190.

Попов 1903 — *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903.

Талько-Грынцевич 1892 — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Народная медицина // Вестник Европы. СПб., 1892. Август. Год 27, кн. 8. С. 806—814.

Чулков 1786 — *Чулков М. Д.* Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. М., 1786.

Эртель 1910 — *Эртель А. И.* Самарская деревня // Этнографическое обозрение. СПб., 1910. № 3/4. С. 130—166.

Summary. *This article is concerned with the ethnoscientific texts of the late 19th — early 20th century which tell about snakes and their settlement in a human body. The mythological approach reveals essential features of such texts. There may be several causes of the disease. First there is a real symptomatology, secondly the disease is believed to be an animal embodiment of a spirit, and finally it is a real amphibian that lives in a human body.*

Key words: *illness narratives, stories about snakes, reptiles obsession, a snake in the human body.*